

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

МОНИТА СКИФСКОГО ЦАРЯ

Анна Князева

Монета скифского царя

Серия «Людмила Дайнека», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26124871
Анна Князева "Монета скифского царя": Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101880-1

Аннотация

Поддавшись жалости, Дайнека купила у бездомного старика, подошедшего к ее машине на заправке, старую монетку. Ей казалось, что это просто дешевая безделушка, но она решила проверить возникшие подозрения... Эксперты установили, что монета датируется временем правления скифов и поистине бесценна. Пытаясь разобраться в этой таинственной истории, Дайнека решила найти и расспросить о монетке странного старика. Идя по его следу, она зашла в заброшенный, давно расселенный дом и... пол провалился прямо под ее ногами. Она с ужасом полетела вниз, а очнувшись рядом с мертвым телом хозяина удивительного клада...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	67
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Анна Князева

Монета скифского царя

*Все персонажи и события романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

Пролог

28 декабря 1963 года

Москва

В дверь позвонили. Из кухни раздался голос:

– Веня! Открой! У меня руки в муке!

В прихожей появился худощавый мужчина, прошел до двери и заглянул в глазок:

– Клава! Мы вызывали Деда Мороза и Снегурочку?

– А сколько сейчас времени?!

– Три часа!

– Мы вызывали на шесть!

– Они пришли. Что мне делать?

– Что делать?... – Из кухни выглянула миловидная женщина. – Пусть заходят, Глеб скоро вернется.

– Не понимаю, для чего заказывать пятнадцатилетнему детине Деда Мороза?

– А как же подарок?

– Он что? Конфет, что ли, не видел?

Женщина вышла в прихожую и всплеснула руками:

– До сих пор не впустил? Что за человек... – Она сама отомкнула замок и распахнула дверь. – Проходите!

– С Новым годом! С новым счастьем! – В прихожую ввалился Дед Мороз, за ним – рослая Снегурочка. – Где тут мальчик Глебушка?!

– Рано пришли. Мы ждали вас в шесть. Диспетчер перепутала время. – Закрыв дверь, женщина обернулась и увидела, что муж лежит на полу. Она спросила: – В чем дело, товарищи?

– Заткни ей рот, – мужским голосом проговорила Снегурочка.

Женщина рванулась вперед и побежала:

– Помогите! Убивают!

Не добежав до окна, она получила тяжелый удар по голове и рухнула на ковер. Дед Мороз присел рядом и прислушался. Потом потрогал шею возле яремной впадины.

– Послушай, Сыч, кажись, я ее убил.

– Вот придурок! – выругалась Снегурочка. – Теперь и мужика придется валить.

Глава 1

Наше время, Москва

Монетка

Дайнека купила платье – пестрое, с короткими рукавами и синим кружевом понизу. Сначала ей понравилось другое, светло-бежевое, с обтянутыми пуговками, но опытная в таких вопросах подруга сказала:

– Нет, не годится. На телевизионном экране все сольется в пятно телесного цвета. Слава богу, волосы у тебя – темные. А то вообще – караул.

Азалия Волкова имела право на подобные замечания, она была известной артисткой. Дайнека была подругой известной артистки и собиралась «прицепом» пройти вместе с ней на ток-шоу. Знакомый Азалии, телевизионный редактор, пообещал, что если Дайнеке приспичит выступить, на экране ее подпишут как фотомоделю.

Дайнека из приличия возмутилась: какая из нее фотомоделю? Но когда Азалия сказала редактору: «Подписывай – временно безработная», Дайнека согласилась на модель.

Быть безработной в двадцать четыре года ей было стыдно.

После окончания университета она переменяла несколько мест, но нигде не задержалась надолго и стала подумывать, что ошиблась профессией. Случается, что люди ошибаются дверью, но они могут выйти обратно. А что делать ей? Выбросить из жизни пять лет учебы?

В период обостренных самокопаний Дайнека задавала себе вопрос: что такое специалист по связям с общественностью? И сама себе отвечала: рупор чужих достижений. Результат ее собственной работы как бы растворялся в «эфире». Сказала – послушали и забыли. Написала – прочли и выбросили. Такой расклад ее не устраивал.

– Але, гараж... – Азалия помахала рукой перед носом Дайнеки. – У нас мало времени, нужно купить туфли.

– Эти не подойдут? – Дайнека вытянула перед собой ногу в балетке.

– Смеешься? Тебе нужны шпильки в цвет платья. – Азалия Волкова заглянула в пакет и, сверившись с платьем, сказала: – Можно – красные, но лучше: зеленые. Или сиреневые.

Туфли купили бледно-голубые, и не на шпильке, а на прямом каблуке. Время подпирало, поэтому Дайнека переоделась в машине.

Азалия привезла ее в большой ангар на территорию бывшего московского завода. Они по очереди побывали в кресле стилиста, потом отправились в комнату ожидания, где уже собралась компания известных людей. Такая концентрация

знаменитостей могла привести в трепет кого угодно, тем более Дайнеку, с ее гипертрофированной эмоциональностью. Она встала поодаль и стала слушать.

Рассевшись вокруг стола с угощением, звезды говорили о том и о сем. В частности о современных сериалах, что было вполне оправданно – ток-шоу приурочили к выходу детективного фильма. Известный журналист, бритый налысо человек в сером костюме, жевал копченую колбасу и говорил с режиссером, которого Дайнека знала в лицо, но фамилии не помнила.

– Почему ваши сериалы такие неинтересные? Я бы сказал – недоделанные. Вы явно недорабатываете. Факт – налицо.

Кто-то подсказал:

– Сценариста хорошего днем с огнем не найти.

– Дело не в этом, – отреагировал режиссер. – На деньги, которые канал дает на производство, можно снять хороший диафильм или плохой сериал. На большее средств не хватает. Что касается талантливых сценаристов – их давно нет. Старики вымерли, а молодых не научили. Осталось только локти кусать.

Азалия подошла к столу, налила себе чаю и поддержала беседу:

– Беда в том, что сценарии пишут «на коленке».

– Что это значит? – спросил едок колбасы.

– За два месяца – двадцать четыре серии. Как вам это понравится?

– Да ну...

– Если бы в России, как за рубежом, экранизировали книги талантливых авторов... – Азалия улыбнулась вошедшему в комнату человеку. – Вот, например, писатель Остап Романов. Почему бы не экранизировать его книгу?

Романов взял со стола печенье и подсел в кресло.

– О чем идет речь?

– Об экранизациях книг.

– Интересная тема.

– За право на экранизацию нужно платить, – заметил режиссер. – Это общеизвестный факт.

– Ну так заплатите, – сказала Азалия.

– На это нет средств. Проще взять сценариста с умеренными запросами. Он и придумает, и напишет.

– Он напи-и-ишет, – протянул лысый журналист в сером костюме. – Смотри потом ваше говно.

– Зачем же так грубо... – скривился режиссер и обратился к писателю: – Над чем теперь работаете?

Романов уточнил:

– В смысле?

– Ну, вы же писатель. В каком жанре пишете?

– Психологический триллер.

– Вона куда завернули! – хмыкнул режиссер.

– Пишу о жизни, о смерти, о любви.

– А-а-а-а...

– О чем же еще писать?

– Ну-ну...

– Напрасно иронизируете. – Романов по-хозяйски налил себе чаю. – Моя задача провести героя через кризисные ситуации и предложить эффективную модель их разрешения.

– Вы психолог? – догадался лысый в сером костюме.

– Можно сказать и так.

– Это не ответ. Где вы учились?

– Педагогический колледж. Специальность – психология детей дошкольного возраста.

– Тогда вам нужно писать для детей дошкольного возраста.

– У меня есть серия детских книг.

– Выходит, и швец, и жнец, и на дуде игрец?

– Вот только не нужно утрировать.

– Тогда вернемся к вашей новой книге. О чем она?

– В ней идет речь о непростом выборе человека в сложных жизненных обстоятельствах.

– Да-да... Вы уже говорили.

– Если позволите, я продолжу... – Остап Романов охотно развил тему, но его идеи слишком явно были заимствованы у других, более талантливых писателей.

Дайнеке показалось, что он не тот, за кого себя выдает, и что на самом деле он проще, неинтереснее, незначительнее. Романов был не в меру многозначительным и в меру брутальным. Во всем его обличье был диссонанс: не подходящие к продолговатому телу короткие ноги, подвернутые джинсы,

широкоплечий пиджак.

«Несоответствия – вот ключевой момент для понимания этого человека», – решила Дайнека.

– Как он тебе? – шепотом спросила Азалия.

– Врет...

– В каком смысле?

– Говорит неинтересно. Темы заимствованные.

– В прошлом году Романов вошел в десятку самых востребованных российских писателей. Его издают за рубежом.

– Это не имеет значения.

– А что имеет? – Стрельнув глазами в Остапа, Азалия прошептала: – Тихо... Он идет сюда.

– Несравненная... Богиня! – Романов поцеловал Азалию руку и широко обернулся к Дайнеке: – Я – Остап. Как зовут вас?

– Людмила.

– Для своих – Дайнека, – уточнила Азалия.

– И все-таки Людмила или Дайнека?

– Людмила, – не слишком дружелюбно повторила Дайнека.

В комнату заглянула помощник режиссера:

– Прошу всех пройти на площадку!

Съемочный павильон изнутри был полностью увешан черными тряпками. На их фоне красно-белыми пятнами «кричали» знакомые декорации. В остальном антураж съе-

мочной площадки оказался до обидного прозаическим – жу-ющие по углам статисты, связки кабелей и сквозняки, колы-шущие пыльные полотнища ткани.

Звукооператор сунул Дайнеке за шиворот радиопередат-чик и прицепил микрофон:

– Говорить нужно громко и четко.

Она села на диван, поерзала по искусственной коже и, услышав специфический треск, приказала себе не двигаться. По правую руку от нее сидела Азалия, по левую – старенький композитор, сочинивший музыку к давнишнему сериалу о Шерлоке Холмсе.

Ведущий программы, с иголки одетый молодой чело-век, вымеривал шагами площадку и нервно учил текст. На ярусах расположились усталые статисты. Для многих из них эта программа была сегодня не первой и не последней.

В студии прозвучал невидимый голос:

– Приготовиться! Начинаем!

Молодой человек выдохнул и вышел на исходную точку между диванами:

– Добрый вечер! Мы – в прямом эфире. Сегодняшний вы-пуск посвящен выходу нового детективного сериала...

Дайнека покосилась на Азалию. Дождавшись демонстра-ции трейлера, она чуть слышно спросила:

– Нас транслируют?

– Это запись... – неподвижными губами прошептала Аза-лия.

– Тогда зачем он соврал?

– Заткнись.

По ходу программы в студии один за другим появлялись главные гости, которые отсиживались в другой, отдельной гостиной. Они садились на особый поперечный диван, рассказывали о своем участии в сериале или о своем к нему отношении. Со второстепенных диванов наперебой вступали менее важные гости из их гостиной. Повторяя друг друга, они отчаянно пытались запомниться, как будто прыгали на результат в высоту. Наконец в эфир прорвался писатель Романов и бодро, с огоньком съехал на любимую тему непростого выбора человека в сложных жизненных обстоятельствах.

Поискав кого-то глазами, ведущий программы остановил свой взгляд на Дайнеке. Она догадалась, что про нее ведущему в наушник сказал редактор, и представила надпись: «Людмила Дайнека, фотомодель».

Ей тут же был задан вопрос:

– Как вы, человек творческой профессии, относитесь к современным экранизациям детективов?

Дайнека дернулась, и новое платье проехалось по дивану, издав надтреснутый провокационный звук. После этого осталось только сказать, что к экранизациям она относится положительно.

Всю дорогу домой Азалия Волкова подшучивала над Дай-

некой, пока не заметила, что та упорно молчит.

– Обиделась? Я же любя... – сказала Азалия и снова прыснула в кулачок. – Но как же это было смешно! Похоже на пердеж...

– Хватит! – Дайнека покраснела от злости. – Ты сама выбрала это платье. Я не виновата, что оно прилипло к дивану.

– Ну хорошо. – Азалия обняла ее свободной рукой. – Сейчас я тебя порадую. Знаешь, кто просил у меня твой телефон?

– Кто?

– Писатель Остап Романов.

– Зачем?

– Неужели не понимаешь?

– И ты дала?

– Конечно. Такими, как он, не бросаются.

– И он будет звонить?

– По крайней мере, я на это надеюсь. – Азалия резко свернула с дороги и въехала на заправку. – Чуть не проворонила... – Она остановилась у колонки, вышла из машины и отправилась в кассу.

Услышав металлический стук, Дайнека повернула голову и опустила стекло. Согнувшись в три погибели, перед ней стоял худой горбоносый старик.

– Чего вам? – спросила она, не убирая пальца с кнопки стеклоподъемника.

– Монетку старинную купите, пожалуйста.

– Мне не нужна монетка.

– Недорого, девушка...

– Повторяю, она мне не нужна. – Дайнека нажала на кнопку, и стекло поехало вверх.

– Стойте!

Повинуясь приказу, она снова опустила стекло и посмотрела в худое лицо старика.

Он тихо сказал:

– Я Галю свою похоронил...

В воображении Дайнеки нарисовалась картина: у него был дом, семья, нормальная жизнь, но после смерти жены все пропало. Несчастье иссушило его тело, лишило здоровья, завладело плотью и пошло в атаку на совесть.

Дайнека схватилась за сумку:

– Сколько стоит ваша монета?

– Она серебряная, старинная...

– Да-да! Разумеется. – Дайнека не поверила ни одному его слову. Московские жулики не раз пытались всучить ей «старинные» кольца или монеты. И случалось это, как правило, на заправках.

Она протянула деньги.

– Тысячи хватит? – Потом попросила: – Только, пожалуйста, водку не покупайте.

Старик взял деньги, вытер о рубашку монетку и, словно стесняясь, отдал ее Дайнеке.

– Вы не пожалеете об этом. Владейте.

Хлопнула дверца, и в салон «впорхнула» Азалия.

– Что нужно этому бедолаге?

– Ничего, – сказала Дайнека. По опыту она знала – в такие моменты ее мало кто понимал.

Когда машина тронулась, горбоносого старика поблизости уже не было.

Глава 2

После всего, что было

Дайнека вошла в квартиру и увидела в прихожей отцовские башмаки. Она сбросила свои туфли и крикнула:

– Папа, ты здесь?

Из комнаты выбежал Тишотка и, радостно взвизгнув, встал на задние лапы. Вячеслав Алексеевич вышел из ванной, вытирая полотенцем лицо:

– Здравствуй, милая. На улице душно. Решил умыться.

– Хорошо, что приехал. – Она подошла ближе и уткнулась носом в отцовское плечо. – Я очень соскучилась.

– Как у тебя дела? – Отец обнял ее, поцеловал в темя и повел в гостиную. Там усадил рядом с собой на диван. – Чем занимаешься?

За ними в комнату прицокал Тишотка и, удовлетворенно вздохнув, рухнул на коврик.

– Да как тебе сказать... – Дайнека потрепала псину по холке. – Валяю дурака. По сути – бездельничаю.

– Ну, что же... Иногда и это полезно.

– А ты? Как себя чувствуешь? Как твое сердце?

– Нормально... – Вячеслав Алексеевич непроизвольно потер грудь ладонью.

– Болит? – Дайнека вскочила с дивана.

Тишотка мгновенно отреагировал и тоже вскочил.

Отец замахал рукой:

– Успокойся, я – в норме. Скажу больше, мы с Еленой

Петровной решили отправиться в отпуск. Поедешь с нами?

Дайнека покачала головой:

– У меня Тишотка. Он как ребенок, одного не оставишь.

– А мы и Тишотку с собой возьмем. Сядем в машину, и айда по Европам!

Представив это путешествие, Дайнека прикрыла глаза и впала в состояние дремотного блаженства.

– Едем или нет? – напомнил отец.

Она закивала головой:

– Да! Да! Едем!

– Прививки у зверя есть? – Вячеслав Алексеевич взыскательно посмотрел на Тишотку, тот вскочил и вытянулся в струнку, как будто собрался паковать чемоданы.

– Есть! – ответила за него Дайнека.

– Паспорт собачий имеется?

– Все как положено.

– Нужно взять справку для ветеринарного контроля на таможне, – сказал отец. – Знаешь где?

– В ветлечебнице.

– Вот и хорошо. – Вячеслав Алексеевич хлопнул себя по коленям и встал с дивана: – Недели через полторы двинем в дорогу.

– Так быстро уходишь? – расстроилась Дайнека.

– Есть одно дело...

– Что-нибудь случилось?

– Не хотел тебя расстраивать, но уж если зашла речь...

– Говори.

Вячеслав Алексеевич склонился к Тишотке и, поглаживая пса по спине, размеренно произнес:

– У Насти дом отбирают.

– Нашу дачу? – вскинулась Дайнека.

– Она давно не наша, а Настина.

– Но почему? При разводе ты оформил на нее все документы¹.

– Я-то оформил. Настя взяла под залог дачи два миллиона рублей в какой-то мутной конторе. Теперь разбираемся.

– Сергей Вешкин знает?

– Начальник службы безопасности, куда без него? Через пятнадцать минут встречаемся.

– Тогда я спокойна.

– Все не так просто... – Вячеслав Алексеевич выпрямился и сунул руки в карманы брюк. – При передаче денег Настя подписала бумаги, по которым земля под домом переходит к кредитору независимо от того, вернет она деньги или нет.

– Какая глупость!

– Вероятно, так она решила обезопасить себя. Не подумала о том, что теперь дом стоит на чужой земле.

¹ Читайте об этом в романе Анны Князевой «Хозяин шелковой куклы» (Издательство «ЭКСМО»).

– Получается, ее обманули?

– Ты же знаешь – ее обмануть не сложно.

– Умом и сообразительностью Настя не отличалась, – не без сарказма подтвердила Дайнека. – Но куда же смотрела Серафима Петровна?!

– Так или иначе придется им помогать.

– После всего, что было?² – сдавленно проговорила Дайнека.

Отец обнял ее за плечи и назидательно произнес:

– Теперь не время сводить счеты. Если землю и дом отберут – им негде будет жить. Я в ответе за Настю.

– Вот и нет! – воскликнула Дайнека.

– Прости, дочь, но это мое дело! – сказал Вячеслав Алексеевич и, словно повинуясь какому-то импульсу, вышел из комнаты.

Дайнека догнала его в коридоре и обхватила руками:

– Прости, папа! Прости! Ты благородный человек! Я это знаю... Но мне обидно, что Настя тобой пользуется.

– В свое время я использовал Настю, – тихо сказал отец.

– Неправда! Она сама на тебе повисла.

Дайнека была права, но только отчасти. Настя с первой встречи подкупила Вячеслава Алексеевича выражением беспомощности на детском лице. Наблюдая за ее ужимками и беспробудной умственной ленью, он снисходительно

² Читайте об этом в романе Анны Князевой «Жертвы Плещеева озера» (Издательство «ЭКМО»).

улыбался, скрывая боль и сожаление, как будто дело касалось близкого родственника, пораженного смертельной болезнью. Чувство ответственности за судьбу Насти не оставляло его, как и чувство вины – за то, что он использовал ее молодость, не имея на то бесспорного права.

Вячеслав Алексеевич покачал головой:

– Она отдала мне часть своей жизни и в результате осталась одна.

– С нашей дачей...

– Что?

– Она осталась с нашей дачей... – проговорила Дайнека, подняла голову и залюбовалась отцом.

Густые с проседью волосы, четкий профиль, умные проныцательные глаза. Несмотря на возраст и солидную внешность, в нем по-прежнему бурлила молодая энергия. При большом росте и крепком телосложении Вячеслав Алексеевич был легок на подъем. Ему часто говорили, что он напоминает военного в штатском. И это было похоже на правду, с той только разницей, что Вячеслав Алексеевич умел носить деловой костюм и выглядел в нем достаточно импозантно.

Дайнека смахнула пыль с его пиджака:

– Красивый костюм.

– Елена Петровна купила.

– Знаю. По магазинам ты не ходок.

– Вот видишь... Что тебе ни скажи, ты все уже знаешь. – Вячеслав Алексеевич посмотрел на часы: – Через пятна-

дцать минут встречаюсь с Вешкиным. Когда возвращается Джамиль?

– Не скоро.

– А если точнее?

– Он не сказал.

– Не нравится мне это, – проворчал Вячеслав Алексеевич. – Деньги у тебя есть?

Дайнека расстегнула кошелек и высыпала на столик всю мелочь:

– Вот!

– Это все? – удивился Вячеслав Алексеевич и вытащил из кармана портмоне. – Не я ли на прошлой неделе переводил на твою карточку приличную сумму?

– Пришлось немного потратиться. Платье купила. – Она вздохнула и поддела носком голубую туфлю. – Потом это...

– Собралась куда-нибудь?

– Уже сходила. На следующей неделе увидишь меня по телевизору.

– Да ну?..

– Честно-честно... – Проследив за его взглядом, Дайнека удивленно спросила: – Что случилось?

Вячеслав Алексеевич поворошил кучу монет и вытащил из нее одну:

– Откуда это у тебя?

– А... Ерунда! – Она беспечно махнула рукой. – Приобрела у одного старичка. Подделка.

– Зачем?

– Просто пожалела.

– И где ты его встретила?

– На заправке. Классическая схема – там часто что-нибудь предлагают.

– Всегда покупаешь?

Дайнека помотала головой:

– Нет, никогда.

– Зачем же сейчас купила?

– Я сказала...

– Ах да... Стало жалко. – Вячеслав Алексеевич положил монету на ладонь и включил верхний свет. – Мне кажется, что я такую где-то уже видел.

– Папа, не будь ребенком. Обычная подделка, что же еще.

– Позволишь мне ее взять?

– Бери!

Раскрыв портмоне, он сунул туда монету, достал несколько купюр и положил их на стол:

– Постарайся не тратить на ерунду.

– Зачем так много? – поинтересовалась Дайнека.

– Не могу позволить, чтобы дочь голодала, – отшутился Вячеслав Алексеевич.

Проводив отца, она, не раздеваясь, легла в постель и закрыла глаза. Дайнека вспомнила тот день, когда отец впервые привел Настю в их дом. Ей было семнадцать, и она не планировала заводить себе «мачеху». Тем не менее была го-

това мириться с ней, лишь бы не увидеть еще раз отцовскую сгорбленную спину, как в день бегства матери³.

Впервые увидев Настю, Дайнека была шокирована ее сходством с мамой, наивно предположив, что за этим кроется какой-то особый промысел Судьбы. Но хватило одного совместного чаепития, чтобы от иллюзии не осталось и следа. Настя была не слишком умна и обременительна в общении, однако внешне была вполне хороша. Подкачали только ноги, явно не дотягивавшие до светского стандарта. Но, как говорится, есть места поважнее.

Дайнека утешала себя мыслью, что союз с такой женщиной обречен и отца надолго не хватит. Но время шло, и Настя оставалась в их жизни, а с ней и Серафима Петровна. Они обе стали появляться в их квартире. Потом мать с дочерью перебрались на их дачу – сначала на лето, а потом на осень, зиму и весну.

Появляясь на даче, Дайнека с утра уезжала на велосипеде к реке, а по вечерам старалась не выходить из своей комнаты. Одиночество в такие моменты казалось ей меньшим из зол.

Она никогда не чувствовала себя хозяйкой на даче. Эту роль самонадеянно присвоила себе Серафима Петровна. Улыбаясь и сладенько вздыхая, она ходила за Дайнекой по пятам и со значением выключала оставленный ею свет. На повестке дня была бережливость.

³ Читайте об этом в романе Анны Князевой «Сейф за картиной Коровина» (Издательство «ЭКМО»).

Дом и участок неузнаваемо преобразились, наполнившись уютом и целесообразностью. Во всем чувствовалась новая хозяйская рука. На мебели в гостиной появились чехлы (никому и в голову не приходило, что они неуместны), на окнах – новые занавески. Часть предметов обстановки переместилась на более подходящие места. В спальне Дайнеки произошли не согласованные с нею перемены. При этом кое-что из мебели перекочевало в комнату Серафимы Петровны. А еще в доме прижилось немало занятных вещиц.

Демонстрируя произведенные усовершенствования, Серафима Петровна подолгу восхищалась сама собой и назойливо вопрошала:

– Правда же, стало лучше? Ведь правда?

С ней молча все соглашались.

Таким образом, дачный, по замыслу, дом получил статус полноценного загородного жилища. Но главным, что делало его семейным очагом, стало обилие мудреной кухонной утвари. С ее помощью Серафима Петровна творила свои кулинарные чудеса, отчего в доме всегда пахло вкусной едой и рукотворным достатком. Располневшая от прожитых лет и часто употребляемой выпечки, Серафима Петровна и сама напоминала только что вынутый из печки пышный хлеб: румяная, большеглазая, с объемным, туго стянутым бюстом. Никто, кроме дочери, не догадывался, какое нежное женское сердце бьется в ее груди. И если бы помимо похвал в адрес ее стряпни и хозяйской сметки ей изредка говорили о том,

как хороши ее глаза и ямочки на пухлых руках, она бы наверняка успевала переделать вдвое больше дел.

Неизменным атрибутом внешности Серафимы Петровны была чистая накрахмаленная косынка поверх прически. Ни один волос не смел выбиться из-под нее, дабы не оказаться в чьей-то тарелке. Она была по-немецки аккуратна и точна в действиях.

Появившийся в саду огородик год от года становился все больше. И в период летних заготовок соседи надолго лишались покоя из-за колдовских запахов солений и варений, секреты которых Серафима Петровна не открывала даже дочери. Впрочем, Настя не очень-то ими интересовалась.

Нельзя сказать, что вся энергия этой неутомимой труженицы шла на мирные цели. Значительная ее часть отдавалась тому, что отличает обычного человека от идеала. Осознавая свою значимость в доме, Серафима Петровна жаждала всеобщего признания, не забывая напоминать, как трудно все успевать и сколько сил она положила на алтарь всеобщего благополучия. Никто и не возражал ей. Просто Дайнека перестала бывать на даче. А папа перестал бывать в городской квартире. Часто, возвращаясь из очередной командировки, он приезжал к Дайнеке из аэропорта только за тем, чтобы переночевать. А утром неизменно отправлялся на дачу.

Тогда Настя выиграла или, как сказала бы ее мудрая мама, вытащила счастливый билетик. Но годы шли, и счастье ускользнуло из ее маленьких цепких ручек. Отец ушел к Еле-

не Петровне Кузнецовой.

Тишотка подошел к кровати и тронул ее лапой. Дайнека открыла глаза:

– Хочешь на улицу?

Как только она произнесла эти слова, Тишотка потрусил на кухню к миске с водой, и оттуда донеслись размеренные хлебки. Выйдя в прихожую, Дайнека пристегнула пса поводком, и они вышли во двор.

Нельзя сказать, что дурная новость про дачу была для Дайнеки сюрпризом. Она давно ждала чего-то подобного. Настя слишком долго не давала о себе знать, и вот наконец свершилось. Дайнека знала, что отец решит эту проблему, даже если ему придется выкупать свою собственную дачу, которую так глупо «проворонила» Настя. Ее беспокоило то, что все встречи с Настей заканчивались для отца сердечными приступами. Осталось только молить Бога, чтобы основная нагрузка легла на Сергея Вешкина. На него всегда можно было положиться, и Дайнека знала это как никто другой. Сергей не раз помогал ей в сложных жизненных обстоятельствах.

Тишотка добросовестно описывал кусты возле забора. Взглянув на него, Дайнека проронила:

– Непростой выбор в сложных жизненных обстоятельствах...

Телефон откликнулся на эти слова звонком с незнакомого номера.

– Слушаю...

– Добрый вечер, Людмила. Простите, что поздно. Я был уверен, что вы не спите.

– Кто вы такой?

– Остап Романов, писатель. Мы познакомились сегодня.

– Что вам нужно?

– Хочу продолжить знакомство.

– Зачем?

– Не загоняйте меня в тупик, иначе я начну сочинять.

– Это ваша работа.

– Какая вы язвительная... – Остап замолчал, но спустя мгновение все же продолжил: – Мне хочется узнать вас поближе. Давайте встретимся завтра?

– У меня есть любимый человек, – предупредила Дайнека.

– А я не предлагаю выйти за меня замуж. Завтра у меня встреча с читателями. Буду рад, если придете.

Допустив, что встреча с читателями – вполне приличная тема, Дайнека представила, что сидит рядом с писателем, а на нее завистливо смотрят его почитательницы.

– Где будет встреча? – на всякий случай поинтересовалась она.

– В Доме книги «Москва». – Остап радостно рассмеялся, потом спросил: – Неужели придете?

Во многом из-за его хорошего смеха она согласилась:

– Приду. В котором часу начало?

– Ровно в семь.

– К семи буду там.

Глава 3

Поиски Люцифера

Синее море простиралось до самого горизонта. Дайнека сделала пару гребков, перевернулась на спину и посмотрела в другую сторону. Там тоже было море без края, и вокруг – никого. Полуденное солнце так сильно пекло, что заболела голова. Пить хотелось до звона в ушах.

– Мама... мамочка... – по-детски захныкала Дайнека.

Звон усилился, теперь он был не прерывистым, как прежде, а нарастающе-постоянным.

От этого свербящего звона Дайнека и проснулась. Сообразив, что кто-то звонит в дверь, она вскочила с постели и побежала в прихожую. Распахнув дверь, увидела перекошенное отцовское лицо.

– Что случилось?! – Отец переступил через порог и хлопнул за собой дверь. – Почему так долго не открывала?!

– Я спала... – пробормотала Дайнека.

– Что с телефоном?! – Он продолжал допрос, нисколько не снижая напора. – Еще минута, и я бы взломал дверь!

– А где твой ключ? – поинтересовалась она.

Вячеслав Алексеевич забрал со столика свою связку и, чуть сбавив тон, пояснил:

– Вчера забыл впопыхах...

– Вот видишь, сам забыл ключи, а я виновата. – Дайнека зевнула. – Но, в общем-то, хорошо, что ты меня разбудил. Еще немного, и я бы пошла ко дну.

– Это иносказание? – догадался отец.

– Это – сон. Мне снилось, что я одна посреди моря, и во круг – никого.

– Лодка хоть была?

Она покачала головой:

– Нет. Ничего. Только солнце. Так пекло, что до сих пор болит голова.

– Выпей таблетку, фантазерка. – Вячеслав Алексеевич поцеловал ее в голову, и это означало, что она прощена.

– Если хочешь, сварю кофе, – предложила Дайнека и зашаркала по коридору на кухню.

– Разбей на сковородку пару яиц, – сказал Вячеслав Алексеевич, снял с крючка поводок и подозвал Тишотку: – Иди ко мне... – Потом крикнул в сторону кухни: – А я пока выведу молодого человека!

Когда он вернулся, на столе уже стояла тарелка с яичницей, а в его любимой кружке дымился кофе. Вячеслав Алексеевич сел напротив дочери, взял вилку и начал есть. Дайнека нехотя «клевала» кукурузные хлопья, запивая их молоком.

– Что с дачей? – поинтересовалась она.

– Пока ничего. Поговорили с Вешкиным, наметили направления. Сегодня вечером поеду к Насте на дачу.

– Зачем? – Дайнека насторожилась. – Отправь туда Вешкина.

– Для начала сам хочу разобраться. Дело семейное.

– Тогда и я поеду с тобой.

– Нет.

– Но я – тоже семья! – запротестовала Дайнека.

– Нет! – Отец повысил голос и поднял на нее глаза. – Вообще-то я пришел к тебе по другому поводу.

– Ну?...

– Сегодня утром встретился с одним знающим человеком и показал ему твою монету.

– И что?

Вячеслав Алексеевич покачал головой, опустил глаза, потом отложил вилку:

– Он очень странно себя повел.

– Почему?

– У меня сложилось впечатление, что монета стоит немалых денег.

– Ты шутишь, папа? – Дайнека распахнула глаза, и на ее щеках заалел смуглый румянец. – Ты не придумываешь?

– Из нас двоих фантазерка – ты. Я не склонен преувеличивать, скорее, наоборот, я – реалист. Должен тебе сказать, что я озабочен и немного напуган. Если монета подлинная, тебе нужно будет объяснить, откуда она взялась.

– А что тут придумывать? Скажу, что на заправке купила.

– Звучит нелепо, – усмехнулся Вячеслав Алексеевич.

– Но это же правда.

– Людмила, – отец прикрыл ее руку своей, словно защищая от незримой опасности, – давай договоримся, что ты не предпринимаешь никаких шагов, пока не посоветуешься со мной.

– А что я могу сделать? – Она пожала плечами. – Разве что найти того бедолагу и доплатить за монету.

Сдержав смех, отец вдруг посерьезнел:

– Об этом я и говорю. Никаких поисков, никаких доплат, ни шага в его сторону! Я сам во всем разберусь.

– Как же ты разберешься, если ни разу его не видел, этого старика?

– Мое дело! – прикрикнул Вячеслав Алексеевич и потребовал: – Дай мне честное слово!

– Даю. – Дайнеке не нравилась ни тема, ни тон, в котором шел разговор.

Она с улыбкой спросила:

– Так что там с монеткой?

– Отдал Алехину для проведения экспертизы. После этого можно будет говорить о ее подлинности. – Вячеслав Алексеевич взял чашку с горячим кофе и сделал осторожный глоток.

– Ты уверен, что этот Алехин не умыкнет нашу монетку? – поинтересовалась Дайнека.

– Да как ты только... – Отец поперхнулся и договорил рассерженным голосом: – Алехин – порядочный человек, уче-

ный, работает в Историческом музее.

– Прости. Это я сдуру.

– Необходимо, чтобы ты на время забыла обо всей этой истории.

Дайнека честно призналась:

– Это не просто.

– Мы не знаем, какой шлейф тянется за монетой и что за человек тот старик.

– Обыкновенный голодный бомж. Видел бы ты, какой он худой.

Сделав последний глоток, Вячеслав Алексеевич поставил чашку и встал из-за стола:

– Собирайся. Ты едешь со мной.

Не задавая лишних вопросов, Дайнека быстро оделась. С отцом она была готова ехать куда угодно.

– Здесь? – Вячеслав Алексеевич покрутил головой и, оглядевшись, въехал на территорию заправки.

– Здесь, – подтвердила Дайнека. Он посмотрел на датчик бензина.

– Очень кстати. Как раз нужно заправиться. – И перед тем, как выйти из машины, сказал: – Опиши подробно, как выглядел старик.

– Лет семьдесят, очень худой, лицо – черное, как у цыгана...

– Форменный Люцифер... – обронил Вячеслав Алексее-

вич и спросил: – Во что был одет?

– В серые джинсы и светлую клетчатую рубашку.

– Какого роста?

– Высокого.

– Такой же, как я?

– Вас трудно сравнивать, ты – крепкий, а он очень худой.

– Когда ты его заметила?

– Когда он постучал монеткой в стекло.

– Ни с кем другим, кроме тебя, не общался?

– Нет! – более чем определенно ответила Дайнека.

– Во сколько все это было?

– Часов в десять, может быть, в начале одиннадцатого.

– Вечера?

– Я же говорила: все произошло после того, как закончилась съемка.

– Ах да, я и забыл. – Вячеслав Алексеевич вылез из автомобиля и, прежде чем захлопнуть дверь, проворчал: – Ты ведь у нас теперь звезда...

Дайнека наблюдала из салона машины, как, заплатив за бензин, отец говорит с кассиршей. Потом, обойдя территорию, расспрашивает служащего. Последним его собеседником был заправщик в униформе, заливавший бензин. Их разговор она слышала.

– Не видели поблизости худого старика в клетчатой рубашке? – спросил Вячеслав Алексеевич.

– Много здесь таких... – нехотя ответил заправщик.

Дайнека сразу узнала его, вчера он заправлял машину Азалии. Чисто одетый, старательный парень лет двадцати пяти – такие приезжают в Москву из соседних областей на заработки. Она бы не удивилась, если бы узнала, что он не спал со вчерашнего вечера.

Дайнека опустила стекло и напонила:

– В серых джинсах, похож на цыгана, высокий такой...

– Нет, не припомню.

– Ты вчера работал.

– Ну и что?

– И ты заправлял нашу машину, когда я с ним говорила.

– Не помню.

– Спасибо... – Отец выдал ему чаевые и вернулся в машину. Выехав с заправки, подвел итог: – Никто его здесь не видел.

Дайнека упрямо напонила:

– Я видела.

Пропустив мимо ушей слова дочери, Вячеслав Алексеевич продолжил:

– Вряд ли нам удастся его найти.

– Если захотеть, можно отыскать хоть черта лысого, – сказала Дайнека, запустив пробный шар.

Вячеслав Алексеевич немедля отреагировал:

– Не смей! Ты обещала!

– Не буду – не буду, – заверила его Дайнека. Однако отец слишком хорошо ее знал.

– Если только узнаю, что ты ввязалась в это дело или хотя бы глазом повела в его сторону...

– Папа, – честным голосом проговорила Дайнека, – я же обещала!

Конечно, она ему соврала. В ее голове уже созрел план поиска Люцефера.

Глава 4

Больше не страшно

Рядом с Дайнекой стояли две молодые женщины и по-птичьим вертели головами, высматривая свободные стулья. Дайнека нашла одно свободное место и уже собралась его занять, как вдруг услышала:

– Людмила! Дайнека! Идите сюда! – Остап Романов махал ей с пяточка, где на столах в стопках лежали его книги.

В льняном пиджаке, с модной трехдневной небритостью, он олицетворял идеал женских грез. Под злыми взглядами читательниц Дайнека «поплыла» навстречу ему.

– Здравствуйте. – Остап обнял ее за плечи и тихо сказал: – Садитесь поближе. Мне бы не хотелось упускать вас из вида. Дайнека кивнула, однако села поодаль. По счастью, к Остапу подошла ведущая встречи.

– Время начинать, читатели собрались. – Получив одобрительный кивок от писателя, она развернулась к почитателям творчества и начала встречу: – Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодня у нас в гостях известный писатель Остап Романов!

Читатели зааплодировали, Остап любезно раскланялся и сел за столик. Ведущая встречи продолжала:

– Его книги издаются миллионными тиражами на

нескольких языках и получают восторженные отзывы критиков не только в нашей стране, но и за рубежом. Ему вручены престижные премии в области литературы...

Остап Романов смотрел на Дайнеку так, как будто проверял, насколько она прониклась его исключительностью. От этой бесцеремонности ей стало неловко и даже засосало под ложечкой.

После вступительных слов ведущей Остап заговорил в микрофон.

– Счастлив видеть вас... Здравствуйте... Спасибо, что пришли. – Его голос был ниже обычного, он тщательно и со вкусом подбирал каждое слово.

Пересказав все, что было написано о нем в Википедии, Остап перешел к вопросам. Они, скорее всего, повторялись на каждой такой встрече.

– Скажите, откуда берутся сюжеты ваших произведений? – спросила читательница лет сорока. Было заметно, что она хочет ему понравиться.

– Из жизни. – Остап глубокомысленно закивал: – Да-да, не удивляйтесь. Вокруг нас много интересного. Сюжеты сами просятся на бумагу. Достаточно посмотреть в окно.

В разговор влезла сухая, претенциозно одетая старуха в «нафталиновой» шляпке:

– Вы пишете сами?

– Что значит «сам»? – Романов возмутился, выйдя из романтического образа. – Вы что же? Считаете, что за меня

пишут литературные негры?

– Простите! – Старуха экзальтированно вскинула руки. – Я не имела это в виду. Всего-навсего хотела спросить: без компьютера?

Остап утихомирился и снисходительно объяснил:

– В наше время не обойтись без компьютера. Работая на нем, экономишь время.

Со стула поднялась хорошенькая девушка и спросила:

– О чем будет ваша новая книга?

– О жизни, о смерти, о любви... – глубокомысленно произнес Романов.

– Мне сильно понравилась ваша книга про уворованных близнецов. Там сначала про любовь, потом про жизнь, а потом они умирают.

– В новой книге эта тема будет раскрыта несколько глубже...

Девушка преувеличенно удивилась:

– Еще глубже?

– Намного глубже и всеобъемлюще, – пообещал писатель Романов. – Моя задача провести героя через кризисные ситуации и предложить эффективную модель их разрешения. Задача, как вы понимаете, не из легких.

Через полчаса встреча с писателем продолжилась раздачей автографов. Женщины любили Остапа Романова, среди пришедших на встречу их было абсолютное большинство. Его мужественное лицо с модной щетиной излучало удовле-

творенность собственным положением. Так было до тех самых пор, пока к Романову не подвели старую даму, которую подпирали по бокам две толстые девушки. Он спросил:

– Кому подписать книгу?

– Раисе Моисеевне... – Старая дама затрясла головой. – Мы с вами встречались, товарищ Шолохов. В шестидесятом году вы приезжали к нам на завод.

Провожая Дайнеку до выхода, Остап прокомментировал неловкий момент:

– Всегда найдется дура, которая все испортит. Их как будто специально присылают по одной на каждую встречу.

– Она – старенькая, – улыбнулась Дайнека. – На такую обижаться нельзя.

– А кто сказал, что я обижаюсь? – Произнеся эти слова, Остап Романов расстроился еще больше.

Пустить пыль в глаза не получилось. Это было ясно и ему, и Дайнеке. И все же Романов рискнул предложить:

– Поужинаем?

– Спасибо. Сегодня я не могу.

– Чуда не случилось... – заметил он с чувством глубокого разочарования.

– Мне правда нужно ехать в одно место.

– Могу вас отвезти. Я – на машине.

– Я – тоже...

После этого им больше не о чем было говорить. Однако

судьба распорядилась по-своему: к Романову подошел молодой мужчина, одетый в тесный по моде костюм.

– Рад видеть. – Он протянул руку.

– И я тебя, Влад. – Остап пожал ее.

– За книгами пришел? – Парень скользнул по Дайнеке быстрым, незаинтересованным взглядом.

Романов кивнул на плакат с его собственной фотографии:

– Встреча с читателями.

– Ну-ну... Приятно было увидеться. – Влад снова посмотрел на Дайнеку, и она, как воспитанная девушка, собралась поздороваться, но в его планы это не входило. К тому моменту, когда Дайнека открыла рот, Влад скрылся за дверью.

– Кто такой? – спросила она.

– Влад Делягин. Художник.

– А по-моему, так он – просто хам.

– Делягин всегда в образе. Он предпочитает любить не искусство в себе, а себя в искусстве, – сказал Романов и повернул разговор на свое: – Когда мы снова увидимся?

Дайнека улыбнулась:

– Когда будет следующая встреча с читателями.

– Нет, я серьезно.

– Будет время – звоните. – Она посмотрела на дверь, в которую вышел Влад, и проронила: – Меня от таких тошнит...

Когда на улице сгустилась темнота, Дайнека осторожно

въехала на заправку и остановилась у магазина. Она заглушила мотор и опустила стекло. В салон залетел легкий ветерок с запахом бензина. К колонкам подъезжали машины, заправщики сновали от одной к другой, втыкали «пистолет» в бензобак, получали чаевые и снова шли по тому же кругу. Кроме них и курсирующих от машин до кассы водителей, на территории заправочной станции никого не было.

В одном из заправщиков Дайнека узнала парня, который заправлял машину Азалии и с которым говорил отец. Она вышла из машины и, дождавшись, пока он освободится, заговорила:

– Здравствуй...

Заправщик тоже ее узнал:

– Опять ты?

– Хотела спросить...

– Снова про того старика?

– Да.

– Мне некогда. Я должен работать, а не глазеть по сторонам.

– А если я заплачу и дам телефон?

– Зачем?... – Парень удивленно застыл.

– Увидишь старика и тут же мне позвонишь.

– А если он не появится?

– Буду не в претензии. Деньги оставь себе. Как тебя зовут?

– Леша.

– А меня – Людмила. – Дайнека достала кошелек и выта-

щила из него пару купюр: – Вот!

Заправщик записал ее телефон и ушел обслуживать очередного клиента.

Дайнека вернулась в автомобиль и, откинувшись в кресле, продолжила наблюдать за площадкой. Она включила радио, и в салоне зазвучала музыка из фильма «Шербургские зонтики». Лирическая тема направила ее мысли по нужному курсу. Вспомнился Джамиль, от которого уже два месяца не было весточки: ни телефонного звонка, ни эсэмэски. За несколько лет отношений Дайнека привыкла к этому, но все равно было обидно. Она вздохнула, проводила взглядом дорогой кабриолет и на мгновение встретилась глазами с водителем. У него был такой же высокомерный взгляд, как у Влада Деягина. Передернув плечами, Дайнека прошептала: – Меня от таких тошнит.

От дальней заправочной колонки отделилась тощая фигура и прильнула к черному внедорожнику. Не ушами, а всей своей кожей Дайнека почувствовала металлический стук по стеклу. Дождавшись, когда водитель «пошлет» старика подальше, Дайнека тронула машину и остановилась у той же колонки. Прошло какое-то время, подъехала еще одна машина, и ей посигналили. Дайнека не спешила ни выходить, ни уезжать. Ее выдержка была вознаграждена – в окно постучали. Она опустила стекло:

– Чего вам?

– Монетку старинную не купите?

– Садитесь в машину.

Старик удивился:

– Зачем? Недорого, девушка...

– Садитесь-садитесь, я хорошо заплачу.

– Если желаете... – Он обошел машину и сел на заднее сиденье.

Дождавшись, когда захлопнется дверца, Дайнека тронулась с места. Старик испуганно вскрикнул:

– Стойте! Мы так не договаривались!

– Я только отъеду в сторону, – сказала она и припарковалась на прежнем месте у магазина. – Что продаете?

– Старинную монетку. Серебряную. Купите, не пожалеете.

Дайнека включила свет и, взяв монетку, сразу же поняла, что она – копия первой.

– Сколько просите?

– Триста.

– Не мало ли? В прошлый раз за такую же я заплатила вам тысячу и, кажется, задолжала.

Старик взглянул в ее лицо и, узнав, прошептал:

– Что вам нужно?..

– Откуда у вас монеты? – Она хотела продолжить вопрос, но старик распахнул дверь и выскочил из машины.

Дайнека не успела сообразить, как сама оказалась на улице и ноги понесли ее в том же направлении, куда побежал старик: через кусты, потом через дорогу – прямоком во дво-

ры. Перебегая дорогу, Дайнека вспомнила, что не успела запереть машину, нащупала в кармане брелок, но вдруг услышала скрип тормозов и остановилась как столб.

— Куда прешь, дура?! — Из автомобиля высунулся обозленный водитель: — Я же мог тебя переехать!

— Простите, я тороплюсь... — пробормотала Дайнека и бросилась через дорогу во двор, куда убежал старик.

Ей вслед понеслось:

— Лечиться надо! Сумасшедшая!

Остановившись посреди безглазых домов, Дайнека поняла, что старые здания готовятся к сносу. Жизни здесь не было, но ей вдруг показалось, что в разбитом окне второго этажа мелькнул человек.

Дайнека кинулась к распахнутой двери подъезда и за несколько секунд влетела на второй этаж. Продвигаясь к тому месту, где видела старика, Дайнека ощущала, как под ногами «дышит» прогнивший пол. Идти было страшно, но остановиться — еще страшнее. Казалось, замри она хоть на мгновение, то сразу же провалится вниз, и только движение вперед внушало ей надежду.

Длинный «общежитский» коридор, по которому шла Дайнека, был полутемным. Свет от уличных фонарей пробивался сквозь пустые дверные проемы комнат, окна которых выходили на улицу. Там, где двери оставались на месте, было темно.

Неожиданно Дайнека увидела в конце коридора мужской

силуэт. Пересекая освещенный участок, он вдруг блеснул яркой полосой на спине. Дайнека остановилась у комнаты, в окне которой видела старика. Двери там не было, и комната оказалась темной, поскольку ее окно выходило во двор.

Дайнека сделала шаг, но ее нога провалилась в пустоту, и она камнем рухнула вниз.

Глава 5

Две основные версии

Дайнека открыла глаза и, свыкнувшись с темнотой, поне­многу начала ощущать свое тело. Страх­а не было, как не было понимания того, что с ней случилось. Решив шевельнуть ногой, она с любопытством ждала: получится или нет?

Шевельнуть ногой получилось, Дайнека подняла руку, по­трогала свое лицо и ощупала голову. Была абсолютная уве­ренность, что ничего плохого с ней не случилось. Она лежала на чем-то теплом, как будто в согретой за ночь постели. Но лежать было не так удобно.

Перевернувшись, Дайнека свалилась на жесткие доски. Свалилась невысоко, но от этого было еще непонятнее, что происходит. Ощупав руками пространство вокруг себя, она вдруг наткнулась на чье-то лицо, залитое вязкой жидкостью.

Сознание пропало мгновенно, как будто в организме сработал предохранитель или кто-то невидимый вытащил батарейки. И Дайнеке больше не было страшно.

Второе воскрешение из мертвых случилось уже на воз­духе. Открыв глаза, она увидела над собой глубокое черное небо и белокурую женщину, освещенную автомобильными фарами.

– Видишь меня? – спросила женщина, и Дайнека моргну-

ла. – Говорить можешь?

– Мо-гу...

– Теперь пошевели пальцами.

Дайнека подняла голову, огляделась и, решив не мелочиться, сразу же села.

– Не двигайся! – Женщина схватила ее за плечи.

Прочитав на жилете надпись: «МЧС России», Дайнека спросила:

– Вы – врач?

– Врач... – проговорила она и снова спросила: – Что-нибудь болит?

– Голова кружится. Что со мной было?

– Ты не помнишь?

– Нет. Ничего.

– Ты упала с высоты. Счастье, что не приземлилась на торчащие доски. Тело старика смягчило удар...

– Татьяна Васильевна! – От полуразрушенного дома в их сторону шагали два санитара с носилками. – Куда его девать? Сами увезем или подождем труповозку?

– Кого это?! – Ошарашенная Дайнека вскочила на ноги. От резкого движения у нее закружилась голова. Пройдясь по дуге, она столкнулась с носилками, на которых лежал мертвец в серых джинсах и светлой клетчатой рубашке. Его лицо и голова были в крови.

– Не смотри! – Врач взяла ее под руку и протянула салфетку: – Вот! Вытри лицо и руки.

Теперь Дайнека заметила, что ее руки были в крови. В тот же момент она вспомнила все: провал через пол, потерю сознания, чужое лицо под пальцами в темноте.

– Он умер? – спросила Дайнека, хотя и без того все понимала.

Татьяна Васильевна крикнула санитарам:

– Несите его в машину! По дороге забросим в морг. – Отдав приказ, она ощупала Дайнеку с ног до головы и заключила: – Вроде все цело. В больницу с нами поедешь?

Дайнека категорически замотала головой:

– Нет! Ни за что!

К ним подошел мужчина. В свете фар Дайнека видела только его силуэт. Обращаясь к врачу, он спросил:

– Как она?

– Цела. – Татьяна Васильевна захлопнула медицинский чемоданчик. – От госпитализации отказалась.

– Тогда ее забираю я.

От этой брошенной фразы Дайнека почувствовала себя безвольной амебой. Ей было все равно, куда идти и что делать. Человек отвел ее в полицейский фургон, где пришлось провести больше часа.

По окончании следственных действий Дайнеку отвезли в районное отделение полиции. В комнате для допросов неизвестный человек представился:

– Кротов Леонид Георгиевич, следователь... Она перебила его:

– Во всем виновата я!

– Давайте по порядку, – сказал Кротов.

– Давайте, – согласилась Дайнека и, казалось, утихомирилась. Однако за первым восклицанием последовало второе и третье: – Это я убила его! Судите меня!

Следователь с интересом посмотрел на Дайнеку и, между прочим, спросил:

– Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– Ранее судимы?

– Вы что! – Она подхватила со стула, но он приказал:

– Сидите!

Кротов был худым, старше тридцати. Во всей его внешности чувствовался большой опыт следовательской работы, даже во взгляде, немного равнодушном и безусловно циничном.

– Назовите имя, отчество и фамилию.

– Людмила Вячеславовна Дайнека... – Притихшая Дайнека наблюдала за тем, как следователь заполняет протокол. В неподходящий момент она ткнула в бланк пальцем. – Не так!

– В чем дело?!

– Вы написали «Дайнеко».

– И что?

– А нужно – «Дайнека».

– Разве не так пишется ваша фамилия? – удивился следователь.

– Мне лучше знать. Фамилия моя.

– Пожалуйста... – Он исправил букву «О» на «А» и спросил: – Год рождения?

– А посчитать не судьба? Я же сказала, сколько мне лет.

– Прошу отвечать четко и ясно!

Дайнека назвала год рождения, и он снова спросил:

– Образование?

– Высшее.

– По вам видно...

Она уточнила:

– Что?

Кротов повторил чуть громче обычного, как для глухой:

– По вам, говорю, видно, что слишком образованная.

– Знаете... – Дайнека покраснела и эмоционально сказала: – Человек умер... А вы цепляете меня глупыми замечаниями.

– Адрес регистрации и фактический адрес проживания! – скомандовал следователь.

Дайнека назвала свой адрес, подчеркнув, что проживает и прописана в одном и том же месте и что она не рецидивистка, чтобы скрываться.

Следователь, не удержавшись, заметил:

– Никогда бы не подумал, что вам двадцать четыре. В лучшем случае – пятнадцать. Не больше.

Понимая, что это не комплимент, а обвинение в скудоумии, Дайнека сумела сдержаться и не ответить еще одной

дерзостью.

– Приступим к опросу. – Следователь откинулся назад и спросил: – Кажется, вы хотели сделать заявление?

Она опустила голову и прошептала:

– Во всем виновата я...

– Не понимаю.

– Если бы не я, старик остался бы жив.

– Оформлять явку с повинной?

Такого поворота Дайнека не ожидала. Мгновенно придя в себя, она сообразила: еще одно неосторожное заявление, и ее обвинят в убийстве.

– Нет!

– Так да или нет?

– Нет! – с еще большим вызовом заявила она. – Я не убивала старика в прямом смысле. Он убегал от меня и поэтому умер.

– Он умер не потому, что убегал... – процедил следователь и посмотрел на нее с прищуром. – Старику перерезали горло.

Дайнека с минуту изучала лицо следователя. Он спросил:

– Что-то непонятно?

– Я видела труп, но не рассмотрела его.

– Можете мне верить. Я его рассмотрел.

– Ничего не понимаю. – Она хотела продолжить. Следователь ее перебил:

– Дорогая Людмила Вячеславовна, у нас с вами есть толь-

ко два варианта. Первый: старика зарезали вы. Второй: его зарезал кто-то другой. И в том и в другом случае – вы при делах. И если с первым вариантом все более или менее ясно, то со вторым – нет. Отсюда вопрос: видели вы кого-нибудь еще в заброшенном доме?

– Убийцу? – уточнила Дайнека.

– Назовем его так.

Она покачала головой:

– Я не уверена.

– В таком случае остается только один вариант. – Следователь сокрушенно вздохнул.

– Какой?

– Первый.

– Я не убивала его!

– Тогда вспоминайте лучше.

Дайнека сморщила лицо, не то вспоминая, не то собираясь заплакать:

– Кажется, в конце коридора мелькнула какая-то тень...

– Отца Гамлета? – хладнокровно съязвил следователь. – Поверьте на слово – он вам не помощник. Нам нужен живой подозреваемый. Бесплотные нам не нужны.

– Я видела... Честное слово, видела!

– Вы так говорите, чтобы отмазаться?

– Сначала я подумала, что это старик.

– Что же вы не побежали за ним? Ведь, судя по вашим словам, вы его догоняли? Зачем преследовали и как оказа-

лись в заброшенном доме, мы поговорим позже. Сейчас я задаю конкретный вопрос: почему не побежали в конец коридора, а направились в комнату?

– Решила проверить...

– Что?

– Вдруг он там?

– Не понимаю. – Кротов поднялся со стула и в раздражении прошелся по комнате: – Увидела человека в конце коридора, решила, что это старик, но отправилась в комнату.

– Мне трудно объяснить почему, – призналась Дайнека.

– А придется... – Усевшись за стол, следователь взялся за ручку и что-то записал. – Перейдем ко второму вопросу: – Что связывало вас с убитым? Зачем вы его преследовали? Как оказались в доме?

– Старик продал монетку...

– Кому?

– Мне. – Дайнека положила на стол серебряный кругляш.

– Где?

– На заправке поблизости от того самого дома.

– Ну, это не новость, – усмехнулся Кротов и даже не посмотрел на монету. – Обычно на заправках так и бывает. Значит, вы купили монетку, потом передумали и побежали за ним. Зачем? Чтобы вернуть деньги?

– Нет.

– Тогда зачем?

– Чтобы доплатить.

Следователь обескураженно откинулся на спинку и замер. Потом тихо сказал:

– Ну, знаете...

– Вы мне не верите? – Дайнека несколько оживилась и придвинулась поближе к столу: – Дело в том, что это не первая монетка, которую я у него покупаю. Но за первую я недоплатила. А за эту и вовсе не рассчиталась...

– Хватит! – Кротов стукнул рукой по столешнице. – За идиота меня принимаете? Кто из нас двоих сумасшедший?

– Наверное, вы, – робко предположила Дайнека.

– Хотите, чтобы я закрыл вас в обезьянник?

– За что? – искренне удивилась она.

– За то, что врете и прикидываетесь дурочкой.

– Я не прикидываюсь. И, кстати: вы сами заподозрили меня в скудоумии. Разве не так?

– Вопросы здесь задаю я! – рявкнул следователь. – Предположим, что вы хотели заплатить старику...

– Доплатить, – раздельно уточнила Дайнека.

– Доплатить, – язвительно повторил Кротов. – На каком основании? Зачем?

– Затем, что купленная монета стоит значительно дороже. По всему выходит, что при покупке я его обманула.

– Стало быть, хотите быть честной?

– Очень хочу, – согласилась она.

Следователь бросил взгляд на монетку:

– Но с чего вы взяли, что это барахло имеет какую-то цен-

ность?

– Об этом рассказал папа...

– Римский?! – с издевкой выкрикнул Кротов. В отличие от него, Дайнека хранила выдержку:

– Мой.

– Ну, вот что... С меня хватит. Давайте поступим так: сейчас вы позвоните своему отцу и передадите мне трубку. И если он сообщит мне хоть что-нибудь вразумительное, мы продолжим.

– Подождите... – Дайнека расстегнула перекинутую через грудь сумочку, вытащила телефон и набрала номер отца. Она держала трубку возле уха до тех пор, пока не услышала, что он недоступен. – Мне очень жаль...

– Что?

– Папа вне зоны доступа, или аппарат отключен.

– Так я и знал! – Следователь взялся за ручку. – Теперь отвечайте четко и ясно. И только на конкретно поставленные вопросы.

Последующая часть допроса была очень скучной. Ни один из вопросов не дал возможность вставить лишнее слово. Кротов спрашивал о точном времени: когда было то или это? Он также записал координаты заправки, где осталась ее машина, и пообещал внимательно просмотреть записи с камер наблюдения. В его тоне, движениях и во взгляде сквозило крайнее недоверие и подозрительность.

Дайнеке удалось задать только один вопрос:

– Кто нашел меня? Кто вызвал полицию?

– Сторож Ефимов. Он увидел, как вы забежали в дом, и решил проверить за чем.

В конце допроса Кротов сказал:

– Ну, что же... Пока у нас только одна рабочая версия.

– Которая из двух? – поинтересовалась Дайнека.

Кротов пристально посмотрел ей в глаза и тихо спросил:

– Не догадываетесь?

– Нет...

– Попрошу вас никуда не уезжать из Москвы. – Он указал пальцем на протокол: – Теперь будем подписывать.

Глава 6

Борщ с пампушками

Весь вечер Дайнека пыталась дозвониться отцу. Он по-прежнему был недоступен. В двенадцать ночи она решила поговорить с Еленой Петровной, но передумала.

И все-таки она позвонила на городской номер в надежде, что трубку снимет отец. К телефону подошла Елена Петровна, и Дайнека положила трубку.

Утром Елена Петровна приехала к ней сама:

– Людочка... Папа у тебя?

Прикидывая, что ей ответить, Дайнека сказала:

– Нет.

– Где же он?

– Папа не ночевал дома? – догадалась она.

– Не ночевал. Я всю ночь звонила ему. Телефон отключен.

Когда ты с ним в последний раз говорила?

Вопрос Елены Петровны резанул по сердцу.

«В последний раз» прозвучало как траурный марш Шопена.

Всхлипнув, Дайнека прошептала:

– Вчера утром...

– Ты что-то знаешь?! – всполошилась Елена Петровна. –

С папой беда? Он в больнице? Или...

– Никаких или! – вскрикнула Дайнека. – Я ничего не знаю! Сама звонила весь вечер. Может, он у друзей?

– У каких?... – безнадежно проговорила Елена Петровна.

– Например, у директора холдинга.

– Я звонила Борису Ефимовичу. Славы там нет.

– Может быть, у кого-то еще?

– Я обзвонила всех. И знаешь... Вчера ночью кто-то позвонил и молчал.

– Елена Петровна, вы только не переживайте. – Дайнека тяжело сглотнула и призналась: – Я сама переживаю.

– Может быть, он куда-то собирался? – предположила Елена Петровна.

– Собирался. – Дайнека прикусила язык и закончила не так уверенно: – Кажется...

– Людочка, – Елена Петровна взяла ее за руку, – скажи, даже если это не совсем... – Она не договорила.

Дайнеке пришлось сказать правду:

– Он собирался к Насте.

Выдержав паузу, Елена Петровна обронила:

– Он ничего об этом не говорил.

– Наверное, не хотел, чтобы вы беспокоились.

– О чем я должна беспокоиться? – Всякий раз, когда речь заходила о бывшей, пусть и гражданской, жене Вячеслава Алексеевича, Елена Петровна сдержанно поджимала губы.

– У Насти неприятности, – уточнила Дайнека.

– Это ее неприятности. С чего мне переживать?

– Согласна, – с готовностью подтвердила Дайнека. – У Насти дом отбирают. Отец сказал, что надо помочь.

– Ну, что же... Ему виднее.

– Хотите, я сейчас позвоню на дачу? – Сморозив глупость, Дайнека тут же сообразила, что ее слова можно истолковать только так: отец провел эту ночь на даче, а значит, он – с Настей.

Неловко помолчав, Елена Петровна направилась к выходу:

– Когда папа появится, позвони, пожалуйста, мне.

– Да он и сам позвонит! Я в этом уверена.

Елена Петровна ушла. У Дайнеки осталось чувство вины за допущенную бестактность, но это чувство на время приглушило ее беспокойство за отца.

В ближайшие полчаса Дайнека позавтракала, погуляла с Тишоткой, села в машину и отправилась на дачу. Конечно, она могла бы позвонить, но, зная лисьи повадки Насти и особенно ее матери Серафимы Петровны, решила застать их врасплох.

Дорога в одиночестве располагала к раздумьям. Дайнека думала о Елене Петровне Кузнецовой. Она безмерно уважала эту женщину и хотела, чтобы отец оставался с ней. Теперь этот замечательный союз был под угрозой, и Дайнека должна была его защитить.

Дорога до дачи заняла больше часа. Притормозив у ворот,

Дайнека посигналила. Из калитки выглянула покрытая ко-
сынкой голова Серафимы Петровны, после чего ворота от-
крылись.

Дождавшись, пока Дайнека вылезет из машины, Серафи-
ма Петровна принялась ее обнимать, приговаривая:

– А уж как я соскучилась, и не высказать!

Дайнеке было неловко, оттого что она не могла ответить
Серафиме Петровне тем же.

– Идем, Людочка, в дом. У меня борщ на плите, пампуш-
ки с чесноком еще тепленькие. Какао с цельным молочком
только сварила. Все как ты любишь.

Шагая по дорожке, обсаженной невысокими деревцами,
Дайнека ощутила щемящее чувство нежности к этому месту,
к теплomu ветерку, колышущему листья деревьев, и даже к
Серафиме Петровне.

Сентиментальный настрой улетучился, как только они во-
шли в дом и встретили Настю.

– Зачем явилась? – накинулась она на Дайнеку.

Между ними немедленно встала Серафима Петровна:

– Зачем же так, доченька! Людочка приехала в гости, вон
столько не виделись. Сейчас накрою стол, пообедаем по-се-
мейному.

– Да я, собственно, на минутку... – начала Дайнека, но
Серафима Петровна силой усадила ее на диван:

– В кои веки приехала! Неужто не покормлю!

– Мама! – вякнула было Настя, но ее тут же остановил

твердый взгляд Серафимы Петровны:

– Молчи, полоротая! Профукала наш домик – молчи!

– Поэтому я и заехала. – Дайнека влезла в их перепалку. – Хотела спросить про папу...

– Я – быстро! – Серафима Петровна метнулась к буфету, достала скатерть и одним хлопком раскинула ее на овальном столе. Потом убежала в кухню.

Дайнека спросила у Насти:

– Отец вчера заезжал?

В ту же секунду из кухни донесся голос Серафимы Петровны:

– Настена! Иди сюда, помоги!

Настя ушла на кухню, и Дайнека, смирилась с невозможностью по-быстрому расспросить об отце. Она с грустью оглядела гостиную: все те же тюлевые шторы, тот же диван. На стене – картина, которую они с отцом купили на вернисаже. При воспоминании о том добром времени ей стало грустно.

Грустить долго не пришлось – в комнате с большой супницей в руках появилась Серафима Петровна. За ней вошла Настя с блюдом пампушек.

У Серафимы Петровны все «горело» в руках: тарелки заняли свои места на столе, рядом с ними легли солидные столовые приборы.

– Садись, Людочка, за стол! Угощайся!

Дайнека села, да и кто бы устоял – к великолепному бор-

щу Серафима Петровна подала жирную деревенскую сметану и зелень. Дух шел такой, что слюноотделение во рту фонтирировало.

Дайнека уплела две тарелки борща и пять пампушек. На какоа в ее желудке места не нашлось. Встав из-за стола, она пересела на диван.

– Ну, как? – спросила Серафима Петровна.

– Вы всегда прекрасно готовили, – сказала Дайнека.

– Замуж еще не вышла?

Резкий переход на личную тему вернул Дайнеку к действительности.

– Нет, – сдержанно ответила она и спросила: – Папа заезжал к вам вчера?

– Вячеслав Алексеевич? – Серафима Петровна кивнула: – Был. Пообедал. К супу с фрикадельками я подала малосольные огурчики и грибочки. Уж как меня хвалил твой отец! Давно, говорит, так вкусно не ел. С тех самых пор, как ушел от Насти. А я ему в шутку: возвращайтесь, мол, Вячеслав Алексеич, обратно!

– Как же... – несмело вставила Настя, но мать ткнула ее пухлым локтем в бок.

– Что было потом? – спросила Дайнека.

– А что было потом? – развела руками Серафима Петровна. – Поели, поговорили, он и уехал.

– Во сколько?

– В десять! – Серафима Петровна постучала ногтем по

циферблату золотых часиков: – Я, когда его провожала, на часы посмотрела. Десять часов вечера было. Я точно помню.

– И он ничего не говорил? – уточнила Дайнека.

– О чем, Людочка?

– Может быть, собирался куда-то?

– Куда ж ему еще собираться, деточка? Неужто не вернулся домой?

– Не ночевал? – уточнила Настя.

Немного помолчав, Дайнека встала с дивана:

– Я лучше пойду...

– И не посидишь? – всполошилась Серафима Петровна. – Всегда ты так, Людмила. Приедешь на часок, да только душу растрaviшь!

– Мне нужно идти. – С этими словами Дайнека вышла за дверь.

Глава 7

Об этом в другой раз

Дайнека остановила машину в первом «кармане» и позволила отцу. Он был недоступен. Второй звонок она сделала Вешкину. Сергей взял трубку и вместо «здравствуй», спросил:

- Где твой отец?
- За этим и звоню...
- Чтобы сказать, где Вячеслав Алексеевич?
- Чтобы спросить, где он.
- Та-а-ак... – протянул Вешкин. – Рассказывай.
- Папа не пришел вчера ночевать и второй день не берет трубку. Я потеряла его, Сережа, – всхлипнула Дайнека и спросила: – Он был на работе?
- Нет, – мрачно ответил Вешкин.
- Можем встретиться?
- Давай к офису. Жди меня напротив – в кафе.

Когда в дверях появился невысокий молодой человек, Дайнека помахала ему рукой:

– Сережа, я тут!

Сергей Вешкин был начальником отдела безопасности «Евросибирского холдинга», но всем своим видом опровер-

гал представления о людях этой профессии: щупленький, сутулый, в очках. Но если бы враги и конкуренты холдинга знали его так, как знала Дайнека, то немедленно отказались бы от любых происков по причине их заведомой обреченности.

Добрейший, интеллигентнейший и милейший Сережа Вешкин был необычайно умен и изворотлив. За несколько лет работы он сумел так организовать работу своего департамента, что бесконтрольно муха не пролетала. Что касается Дайнеки, Вешкин выручал ее из, казалось, безвыходных ситуаций.

Дайнека повторила чуть громче:

– Сергей!

Он заметил ее, подошел к столу и сел напротив:

– Прости, что задержался. Добрынин вызывал. Давно здесь сидишь?

– Минут десять. Что-нибудь серьезное?

– Просил разыскать Вячеслава Алексеевича. Из-за его отсутствия сегодня сорвалось совещание.

– Сережа, найди его, – прошептала Дайнека.

– Ну-ну... – Сергей заерзал на стуле. – Только не плачь!

– Второй день звоню. Елена Петровна места себе не находит. Пришлось ей рассказать, что вечером папа поехал к Насте.

– Он там был? – уточнил Вешкин.

– Серафима Петровна и Настя подтвердили.

– Ты тоже была на даче?

– Только что оттуда вернулась.

– Во сколько Вячеслав Алексеевич уехал от них?

– Вчера в десять вечера. Ты разве не знал?

Сергей на мгновение отвлекся, чтобы сказать официантке:

– Один американо без сахара. – Потом снова переключился на Дайнеку: – Отец говорил, что мы с ним встречались по поводу дома?

Не поднимая глаз, Дайнека кивнула:

– Рассказывал.

– Вчера я кое-что разузнал про фирму, где Настя оформила заем.

– И что?

– Сразу позвонил Вячеславу Алексеевичу. Но он уже не ответил.

– И мне не ответил. – Дайнека подняла глаза и умоляюще взглянула на Вешкина: – Как думаешь, что с ним?

– Подожди, я не договорил... – Сергей уставился в кружку с кофе, которую поставила перед ним официантка. – А где сахар?

– Вы сказали: американо без сахара, – напомнила та.

– Сахар принесите, пожалуйста.

Дайнека посмотрела на Вешкина с подозрением:

– Скажи честно. С папой ничего не случилось?

Сергей дождался, пока принесут сахар, высыпал в кружку и только потом ответил:

– Пока – ничего.

– Ты что-то знаешь... – обреченно проговорила Дайнека.

– В фирме «Кантина» работают опасные люди.

– И что теперь будет?

– Для начала разберемся с твоим отцом.

– Как?

– Просто найдем его.

У Сергея Вешкина все было просто. По крайней мере, так он говорил. И Дайнека безоговорочно ему верила.

– Отец не сказал Насте, куда он поехал, – проронила она.

– С какой стати ему перед ней отчитываться? – удивился Сергей.

– Я подумала: а вдруг? И просто спросила.

– Что еще рассказывает Настя?

– В основном говорила Серафима Петровна.

– Что говорит она?

– Покормила отца супом, подала к обеду грибы...

Сергей Вешкин поморщился:

– Давай по существу. Не уподобляйся Настиной матери.

– Короче: пообедали, поговорили, и отец уехал от них в десять часов вечера. Остальное, как ты говоришь, несущественно.

– А было что-то еще? – Сергей внимательно посмотрел на Дайнеку.

– Серафима Петровна преподнесла разговор за обедом таким образом, как будто отец собрался вернуться к Насте.

– Что за ересь? – усмехнулся Вешкин. – Где Елена Петровна и где Настя?

– Уверена, что Серафима Петровна все сочинила, но у меня остался неприятный осадок. Чтоб ты знал: мне тяжело там бывать. Стены – родные, а в них живут два чужих человека.

– Лучше сказать: две змеи, – уточнил Вешкин.

– Ты уже решил, как будешь искать папу?

– Подожди... Кроме тебя, Насти и Серафимы Петровны, на даче кто-нибудь был?

– Нет, никого.

– Ты уверена?

– По крайней мере, мне так показалось.

– Никто не приезжал? Не звонил?

– При мне – точно нет.

– А без тебя?

– Они не рассказывали.

– Ну, хорошо... – Сергей склонился над столом и заговорил тише: – Они не сказали... А как насчет твоего шестого чувства?

– Интуиция?... – догадалась Дайнека, прислушалась к себе. – Они были встревожены.

– На их месте любой встревожится. Ничего себе, дом отбирают!

– Все действительно так серьезно?

– Серьезнее некуда.

– Ну вот, а теперь еще и папа пропал... Может, заявим в

полицию?

– Пока подождем.

– И все-таки...

– А если я попрошу тебя еще раз съездить на дачу? – спросил Вешкин.

– Но я только что оттуда вернулась!

– Тогда поезжай завтра.

– Объясни мне, зачем?

– Побудь на даче подольше, останься там ночевать.

– Ну, уж нет!

– Послушай, – Вешкин понизил голос, – в этом деле есть какая-то чертовщина. Необходим всесторонний анализ, включая женскую интуицию. Давай договоримся: ты едешь на дачу, а я буду искать отца.

– Что нужно делать?

– Повторюсь: пробудь там как можно дольше. Слушай, о чем говорят, контролируй телефонные звонки. Обращай внимание на тех, кто приезжает, если такие будут. И помни: мне нужна полная информация.

– Может, объяснишь, в чем дело?

– Риелторы из «Кантины» – жесткие люди. Если с Настей или с Серафимой Петровной что-то случится, Вячеслав Алексеевич мне не простит.

– Я не понимаю.

– Например, что-нибудь загорится. Теперь это популярный способ воздействия и очистки территории. Для инфор-

мации: земля под вашим домом стоит больше, чем дом.

– Ну и что?

– После пожара не нужно будет тратиться на снос дома и вывоз строительного мусора. Риелторов из «Кантины» не расстроит, если вместе с домом сгорит пара человек.

– Настя подписала все документы. Участок и без того принадлежит этой «Кантине».

– Им нужно избежать судебных разбирательств и существенно ускорить процесс. – Сергей строго посмотрел на Дайнеку. – Зная Настю, можно предположить, что она у них на крючке.

– Что это значит?

– Это значит, что они хотят больше, чем дом и участок.

– У нее ничего больше нет.

– Думай, Дайнека, думай...

– Думаю...

– Твой отец – небедный человек. Догоняешь?

– Думаешь, его похитили и теперь хотят денег? – Дайнека часто заморгала. Глядя на нее, любому стало бы ясно, что будет дальше.

– Только не плачь! – предупредил Вешкин.

– Не плачу...

– Приедешь на дачу – проявляй бдительность.

– Проявлю...

– Когда едешь?

– Ты же сказал – завтра...

– Вот и хорошо.

Дайнека вытерла слезы и тяжело вздохнула:

– У меня есть одна просьба.

– Давай, – сказал Вешкин.

– Будешь говорить с Еленой Петровной – пожалуйста, деликатней. Не распространяйся про Настю.

– Елена Петровна – умная женщина...

– И все-таки.

– Хорошо. Я обещаю.

– Есть еще одно дело... – Дайнека подошла к последнему пункту разговора с Сергеем – к истории с монетой и убийством бомжа.

Однако, поразмыслив, решила, что не стоит все валить в одну кучу. Найти отца было важнее, и она закончила:

– Но об этом мы поговорим в другой раз.

Глава 8

Смятение чувств

Если бы Дайнеку спросили, зачем она это сделала, то даже по прошествии времени она бы не смогла этого объяснить. Но тем не менее все произошло именно так.

Сергей Вешкин ушел. Она тоже направилась к выходу. Ее взгляд упал на соседний столик – там у окна сидел Влад Де-лягин, высокомерный знакомый писателя Остапа Романова.

В Дайнеке что-то всколыхнулось, и она ляпнула:

– Здрасте!

Влад медленно повернул голову и спросил:

– Мы знакомы?

Теперь Дайнеке нужно было объяснять, где и при каких обстоятельствах он смерил ее таким же холодным взглядом. Скорее от обиды она ответила:

– Нет!

Дайнека вышла из кафе слишком поспешно. Порывшись в сумке, достала ключ от машины и открыла дверцу, когда услышала позади себя голос:

– Постойте!

Она обернулась и увидела Влада. Он подошел, спокойно захлопнул дверцу и поинтересовался:

– Вы – девушка Романова?

– С чего вы это взяли?

– Я видел вас вместе. Разве не так?

– Так.

– Ну, так что же вы?

– Что? – Дайнека с вызовом посмотрела ему в глаза и распахнула дверцу машины, но Влад Делягин снова ее захлопнул.

Тогда она сказала:

– Да пошел ты.

– Мы перешли на «ты»? – Он усмехнулся. – Вот они, свободные нравы нынешней молодежи.

– А мне с тобой детей не крестить.

– Как знать...

– Вон пошел! – Дайнека взялась за ручку, но Влад удержал дверцу.

Такая наглость возмутила ее:

– Я вызову полицию!

– Вызывай. Скажу, что ты сама пристала ко мне в кафе.

Такая постановка вопроса загнала Дайнеку в тупик. Делягин был прав: он сидел в кафе и никого не трогал, даже не смотрел в ее сторону. Всю эту кашу заварилла она сама.

– Ну, хорошо... Что тебе надо?

– Мне? – удивился Влад.

– Да иди ты! – На этот раз Дайнека серьезно обиделась.

Влад взял ее под руку:

– Ладно-ладно... Не сердись. Чашечку кофе?

– Я уже пила.

– Тогда мороженое или пироженку?

Дайнека резко повернулась к нему, и ее обиженное лицо сделалось детским, а просьба прозвучала словно мольба:

– Не говори со мной так, как будто мне десять лет.

– Я бы не посмел... – Влад исподволь повел ее рядом с собой по улице мимо кафе. – И, кстати, тебе уже исполнилось восемнадцать?

– Не смешно. Мне – двадцать четыре. – Не задумываясь, Дайнека послушно шла рядом с ним.

– Очень хорошо сохранилась.

– Это банально.

– Согласен. Из вежливости могла бы меня о чем-то спросить.

– Чем занимаешься?

– А то ты не знаешь... Остап тебе не мог не сказать. Я – художник. Мне тридцать два года, и, что характерно, я до сих пор не женат.

– Твое семейное положение меня не волнует. – Дайнека удивленно остановилась: – Куда мы идем?

– В гости.

– К кому?

– Ко мне.

– Что за дикая идея? Ты – сумасшедший?

– Не вижу причин, чтобы не зайти ко мне в мастерскую и не выпить стакан чая. Кофе мы уже пили.

– Вот еще! – Она вырвала у него свою руку.

– Я приличный человек и не понимаю, чего ты боишься, – проговорил Влад с серьезным выражением лица. – Раз уж мы здесь, почему бы тебе не посмотреть на мои картины?

Дайнека была смущена и заинтригована одновременно.

– Я не знаток живописи.

– Чтобы понимать живопись, не нужно быть ее знатоком. Просто посмотришь и скажешь, что думаешь.

– Так просто?

Влад подошел к спортивной машине и распахнул дверцу:

– Прошу!

– Зачем? – опешила Дайнека.

– Поедем в мастерскую.

– Но ведь ты сказал, что живешь где-то рядом.

– Соврал, – сказал Влад и широко улыбнулся. – Моя мастерская – на Кутузовском.

– Это далеко.

– А ты куда-то торопишься?

– Да, в общем-то, нет.

– Ну, так садись в машину. Обещаю, что привезу тебя на это же место.

Мастерская Делягина располагалась на верхнем этаже высотного дома и занимала несколько комнат. Самая интересная часть помещения находилась на чердаке: большая рекреация, кабинетик и неширокий опоясывающий балкон,

с которого был виден проспект.

Осмотр начали с балкона, но у Дайнеки закружилась голова, и они спустились на нижний этаж.

Влад расставил картины, которые хотел ей показать.

– Ты смотри! А я – на кухню.

Дайнека добросовестно рассмотрела картины одну за другой. Многое не поняла, но ей понравилось все.

Влад вернулся с двумя кружками чая и распаковал жестяную коробку с печеньем.

– Ну, как?

– Талантливо, – проговорила Дайнека.

– Не говори ерунды! Просто покажи, какая картина тебе понравилась.

Не раздумывая, Дайнека взяла небольшую картину, на которой был изображен деревенский дом у реки, и показала ее Владу:

– Вот!

– Неожиданно... – выдержав паузу, тихо признался он. – Дом моей бабки под Калугой. Теперь там никто не живет. Она умерла.

– Мне очень жаль...

– Скажи, о чем ты думаешь, когда глядишь на эту картину?

– О тихом летнем вечере... – Дайнека мечтательно помолчала. – О том, что сквозь деревья проглядывает розовое небо, и скоро зайдет солнце. Еще о том, что хорошо бы иску-

паться в реке, пока совсем не стемнело. Соскользнуть в воду, вынырнуть и поднять брызги!

Не отрывая от нее взгляда, Влад отставил коробку с печеньем.

– Хочешь, я тебя нарисую? – Он стал что-то искать. Вытащил из-за мольберта дощечку, прицепил к ней ватманский лист и взял толстый грифель. – Садись!

Дайнека растерялась:

– На стул?

– Да хоть на пол...

Определив его слова как приказ, Дайнека опустилась на кошму и замерла.

– Вот так... Теперь не шевелись, – скомандовал Влад и широкими штрихами стал черкать по бумаге, как будто размечая рисунок.

Он пристально смотрел на Дайнеку, потом переводил взгляд на бумагу и вновь на нее. Лицо Влада было непроницаемым. При взгляде на него могло показаться, что он рисует не Дайнеку, а гипсовый куб.

Она тоже смотрела на Влада, пытаясь угадать меру его таланта и «величину» его самого. В какой-то момент он показался ей настолько красивым и одухотворенным, что впору было зажмуриться.

Почувствовав холодок внизу живота, Дайнека устыдилась саму себя и спросила нарочито нетерпеливо:

– Скоро закончишь?

Влад подошел и протянул руку:

– Готово. Поднимайся.

Она встала и потянулась к рисунку, но он отшатнулся:

– Э-э-э, нет!

– Что это значит? – возмутилась Дайнека. – Покажи!

– Сначала пообещай, что согласишься и честно скажешь: понравилось или нет.

– Обещаю.

– Тогда смотри. – Влад обернул рисунок и замер в ожидании.

Разглядывая свой портрет, Дайнека растерянно прошептала:

– Неправда...

– Что?! – Влад ненадолго развернул рисунок к себе: – Не похожа?

– Не в этом дело... Ты многое приукрасил. Я не такая красивая.

– Например?

– Глаза... Они не такие большие.

– Об этом можно поспорить.

– И губы... – Дайнека склонила голову на один, потом на другой бок. – Разве они такие?

– Ты и сама не знаешь, какая ты красивая.

Дайнека покраснела и опустила глаза:

– Боюсь, мне пора ехать...

– Я тебя отвезу.

Влад отвез Дайнеку к ее машине, оставленной у кафе. Они простились, ничего не обещая друг другу, и даже не обменялись телефонами.

Домой Дайнека попала только вечером. Тишотка сразу потащил ее на прогулку.

Она, конечно, пошла, но ей до чертиков хотелось улечься в постель, завернуться в пуховое одеяло, и чтобы оно обволокло теплом ее самое и ее мятущуюся душу. И чтобы этот лукавый, обманчивый мир остался за дверью. И чтобы ни одна кощунственная мысль или желание не проникли в ее тело и мозг.

Избегая думать о Владе, она тем не менее прибила подаренный портрет на стену и только потом позвонила Вешкину.

– Есть новости про папу?

Он ответил:

– Пока нет.

– Звонил Елене Петровне?

– Звонил.

– Как она?

– Позвони, она все расскажет.

– Есть что рассказывать? – поинтересовалась Дайнека.

– Думаю – нет.

– Тогда зачем звонить?

Сергей Вешкин спросил:

– Ты на даче?

– Я дома.

– Когда поедешь туда?

– Мы же договорились, что завтра.

– С утра?

– Обещаю. – Дайнека посмотрела на карандашный портрет и тихо вздохнула. – Ну, пока...

Сообразив, что она сейчас отключится, Сергей Вешкин воскликнул:

– Подожди! Тебе ни о чем не говорит фамилия Кротов?

После непродолжительной, но весомой паузы Дайнека обронила:

– Он следователь.

Сергей прояснил ситуацию:

– Сегодня Кротов приходил ко мне на работу.

– Зачем?

– Искал Вячеслава Алексеевича. Мне кажется, ты что-то скрываешь.

– Это не телефонный разговор.

– Мне приехать?

– У тебя есть дела поважнее. Ищи папу.

– Его ищу не только я.

– Кто еще?

– Ты тупая, Дайнека? – взорвался Вешкин. – Я же сказал: его ищет следователь Кротов! И можешь мне поверить, этот тип – та еще сволочь. Что ему надо?

– Я тебе сказала, это не телефонный разговор, – упрямо повторила Дайнека.

– А если он явился от риелторов из «Кантины»?

– Кротов не имеет к ним отношения.

– Откуда ты знаешь? Может, объяснишь?

– Объясню. Но только после того, как съезжу на дачу. Пока!

Отключившись, Дайнека некоторое время смотрела на телефон, опасаясь, что Вешкин перезвонит. Но он не перезвонил, и она успокоилась. Теперь ее ждала теплая постель и пушистое одеяло.

Нацелившись на ванную, Дайнека между делом покормила Тишотку и уже взяла чистое полотенце, как вдруг прозвучал звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.